

Нельзя сказать, чтобы Япония была слишком избалована вниманием Комитета по Нобелевским премиям. За всю историю его существования только семь граждан Страны восходящего солнца были удостоены этой награды: три физика, химик, физиолог, ныне покойный премьер, получивший в свое время Премию мира, и один писатель. В минувшем году вслед за Ясунари Кавабатой спустя 26 лет звание нобелевского лауреата получил 59-летний писатель Кэндзабуро Оэ.

Ничего удивительного в этом нет. Почти шестьдесят произведений К. Оэ переведено на десять языков мира. Большую известность получили его романы «Футбол 1860 года», «Объяли меня воды души моей», «Игры современников», многие повести, рассказы и эссе. В 23 года Оэ получил свою первую литературную премию и с тех пор собрал, пожалуй, полную коллекцию всех имеющихся в Японии литературных наград. Решение шведских мэтров лишь подтвердило международное признание писателя. Сам он считает, что японская литература заслуженно завоевала эту награду, хотя имя лауреата могло бы быть и иным. По его мнению, этой премии был не менее достоин и Кобо Абэ, автор знаменитой «Женщины в

песках» и многих других замечательных произведений.

О Кэндзабуро Оэ сказано и написано много. Это неудивительно, ибо его творчество и сама жизнь дали достаточно пищи для исследователей и литературных критиков.

Писатель родился в маленькой глухой деревушке, укрывшейся от шумного мира в дремучих лесах острова Сикоку. Семья была большая и бедная. У Кэндзабуро было шесть братьев. От рождения он был замкнутым и впечатлительным ребенком, общению со сверстниками предпочитал чтение книг, за что его прозвали «барсуком». Но после окончания школы жизнь его резко изменилась. Он поступает в Токийский университет на французское отделение и с головой окунается в студенческую жизнь. Тогда же делает свои первые шаги по литературной стезе. Главной темой его творчества становятся судьбы молодежи.

К. Оэ активно заявил о себе как представитель того «рассерженного поколения», которое после войны горячо взялось за демократические преобразования в стране и решительно выступило в рядах антиамериканского движения.

Ранние произведения писателя позволили критикам называть его «японским Сэллинджером», а заметное участие в

бурной общественной жизни закрепило репутацию бунтаря-радикала. Он постоянно был в гуще событий, в людской толпе.

В 1963 году в семье молодого, уже признанного писателя родился первенец, которому дали имя Хикари, что в переводе означает «Свет». Но именно с этого момента вся жизнь Кэндзабуро Оэ повернулась и погрузилась во мрак. Дело в том, что мальчик родился инвалидом, тяжелобольным ребенком, который не мог говорить. И хотя в дружной и крепкой семье писателя вскоре появились еще сын и дочь, он так и не смог оправиться от тяжелой душевной травмы. Оэ вновь превратился в «барсука», замкнувшись в своем мире и решив посвятить всю оставшуюся жизнь тяжелобольному сыну.

Имя Хикари прозвучало и в первом же интервью, которое писатель давал сразу после того, как из Стокгольма пришло радостное сообщение. «Я пишу прозу уже 38 лет. Из них в течение 31 года основным лейтмотивом моих произведений так или иначе звучит проблема больного сына. Порой я переживал, что уйду в так называемую «эго-литературу», очень распространенную в Японии. Но потом смирился с этим. Я живу вместе с маленьким человеком по имени Хи-

кари. Думаю, что именно это позволяет мне писать о стране, о мире, о душе. Через Хикари я познаю проблемы Вселенной, всеобщности и универсальности».

Нобелевскую премию Кэндзабуро Оэ получил в дни, когда завершилась многолетняя работа над большой трилогией, объединенной общим названием «Пламенеющее зеленое дерево». Этим этапным произведением писатель намерен подвести черту под определенным периодом своей жизни и творчества. Как он не раз говорил, это его «последняя глава», после завершения которой нужно остановиться, оглянуться и немного помолчать.

В первой же статье, написанной нобелевским лауреатом и опубликованной в газете «Асахи», высказывается такая мысль: «Если я вновь поймал луч света, то, наверное, снова начну писать. Потом опять буду переписывать...».

В данном контексте вспоминаются слова писателя, сказанные им еще в позапрошлом году, спустя семь лет после завершения первой части трилогии: «Я долго размышлял

В его доме всегда

о своем жизненном пути как писателя и в конце пришел к тому, что главная проблема — как в эпоху, которая не ставит ясных целей, до конца дней своих сохранить душу».

Думаю, что, связывая свое дальнейшее творчество с тем, удастся ли ему поймать «луч света», писатель имеет в виду судьбу сына. Сейчас появились некоторые надежды. Состояние здоровья юноши медленно улучшается. Ему удалось наконец-то вырваться из пелены немоты, в котором он находился три десятилетия. А главное — у него проявился незаурядный музыкальный талант. В Японии заговорили о доселе неизвестном композиторе Хикари Оэ. Вскоре выйдет уже второй компакт-диск с его произведениями. Это серьезная музыка, которую отличают своеобразное понимание мелодии и оригинальность композиции.

Так получилось, что на следующий день после сообщения о присуждении Оэ Нобелевской премии в старинном японском городе Камакуре, неподалеку от Токио, состоялся давно запланированный кон-

церт «Музыка Хикари Оэ», в котором приняли участие самые известные японские исполнители. Прозвучало десять произведений молодого композитора.

Зал едва вместил полторы тысячи слушателей.

На состоявшейся после концерта пресс-конференции выступил Кэндзабуро Оэ, кото-

рый даже не старался скрыть своего волнения: «Когда мы с женой и детьми слушаем музыку Хикари, нам кажется, что это сон. А то, что происходит

Тишина...

сейчас, когда концертный зал переполнен и на сцене выступают первоклассные музыканты, принесло нам непередаваемую радость».

Пусть сам автор был в тот вечер немногословен, но его лаконичное «большое спасибо» стоило многих речей.

Любопытен рассказ Юкари Оэ, супруги писателя, о жизни их дома: «Сын творит свою музыку в абсолютной тишине, сидя за столом в своем кабинете. А рядом, в соседней комнате, так же безмолвно работает над рукописями его отец. Поэтому у нас в доме всегда тишина».

Отвечая на вопрос корреспондента журнала «Асахи сюкан», Ю. Оэ сказала: «Тот факт, что сын смог преодолеть свой недуг и стать на ноги, побудил Кэндзабуро Оэ принять решение отложить в сторону свое перо. Так по крайней мере говорят. Но подлинным мотивом для «Заявления об уходе из литературы», с которым выступил муж, было другое. Однажды уже он устраивал для себя даухлетний перерыв в работе, который целиком отдал чтению книг. На этот раз он намерен три года посвя-

тить самосовершенствованию. Он выстрадал этот временный отдых. Нобелевская премия оказалась весьма кстати с точки зрения финансовой поддержки».

Нет необходимости говорить о тех чувствах радости за успех своего сына и гордости за японскую литературу, на ниве которой Оэ трудился многие годы и которая сейчас увенчана высокой наградой. Они переполняют душу писателя, и об этом он открыто говорит. Словно неожиданно вспомнив о своем выдающемся соотечественнике, правительство Японии тоже решило отметить писателя и наградить его орденом «За заслуги в области культуры». Но реакция награжденного была быстрой и... шокирующей. Оэ решительно отказался принять орден, заявив, что является убежденным демократом послевоенной формации. «Мне этот орден не к лицу, так как он плоть от плоти нынешней государственной системы». Комментарию, как говорится, излишни.

Читая многочисленные материалы о новом нобелевском лауреате в области литерату-

ры, которыми заполнена сейчас японская пресса, мне невольно вспоминается встреча с Кэндзабуро Оэ, состоявшаяся в Токио. Он был гостем в бюро АПН, где я тогда работал. Сегодня, перелистывая свои журналистские записки, я подумал, что будет интересно привести некоторые рассуждения писателя, абсолютно не потерявшие своей актуальности. Вот выдержки из нашей беседы.

— Вам принадлежит термин «ядерная культура». Что вы имеете в виду?

— На мой взгляд, в мире существуют две основные точки зрения на научно-техническую революцию. Одна отдает предпочтение, если можно так выразиться, примату природы, ставит превыше всего человека, воспевают его труд. Вторая фетишизирует технику, противопоставляя ее человеку. Согласно такому взгляду, модернизация техники ведет к развитию цивилизации. Такую фетишизацию техники во всех ее проявлениях, игнорирование общечеловеческих гуманных факторов я и называю «ядерной культурой» и беру эти два слова в

кавычки. С подлинной культурой данное понятие не имеет ничего общего. Лично я считаю для себя главным защищать красоту природы, а значит, и саму жизнь.

— Тем не менее движение технического прогресса нельзя остановить. Роботы, компьютеры, передовая технология стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Какое, по вашему мнению, будет будущее молодежи, выросшая в атмосфере «ядерной культуры»?

— Применительно к Японии я думаю об этом со страхом. В условиях существующего строя наверняка ужесточится диктат со стороны властей поддерживающих. Техника, поставленная на службу такому государству, позволит еще более изоцировать эксплуатировать и контролировать интеллектуальную деятельность. В этом смысле Япония может стать самой страшной моделью. Сейчас в нашей стране наблюдается настоящий бум персональных мини-компьютеров. Молодежь увлечена этими дорогими игрушками. Ей кажется, что с помощью новейшей техники можно стать всемогущей и всемогущей. Но на самом деле происходит обратное: человек сам становится игрушкой. Снижается его интеллектуальный уровень, он все больше времени проводит

у экрана телевизора или дисплея.

— Каким идолам, по вашему мнению, поклоняется сегодня японская молодежь?

— Сейчас даже студенты предпочитают детективы и комиксы. Их кумирами становятся «звезды» эстрады и телевидения. Я говорю об этом с сожалением и грустью. Ведь без гуманитарной основы личность человеческая бледнеет. Никакие роботы и компьютеры не могут заменить истинную культуру, и мне хочется надеяться, что господство ее суррогатов не абсолютно, что человеческое в человеке все же возьмет верх. Несколько лет назад в Японии возникло движение, девизом которого стало: «Литература может существовать только при условии, если человек думает о завтрашнем дне. Если нет будущего, нет и не может быть творчества». Надеюсь, что это движение будет крепнуть.

— Вы часто ссылаетесь на русских и советских писателей. Какое место они занимают в вашем творчестве?

— Своим первым литературным учителем я считаю великого Достоевского. Многие наши критики находят в моих книгах его сильное влияние. Это не случайно. До самого последнего времени у меня было твердое правило: первые десять дней года цели-

ком посвящать чтению Достоевского. Преклоняюсь также перед гением Толстого. «Войну и мир» перечитывал много раз. Моя специальность по французской литературе. Ей я обязан тем, что смог познакомиться с французскими переводами литературоведческих работ Виктора Шкловского и Михаила Бахтина, которые я очень ценю. Например, труды Бахтина позволили во многом по-новому подойти к анализу японской культуры. Среди моих любимых писателей Михаил

Булгаков, особенно «Мастер и Маргарита». Недавно открыл для себя Валентина Распутина. Как видите, я имею все основания говорить, что русская литература глубоко вошла в мое писательское сознание.

...Понятно, что присуждение Нобелевской премии Кэндзабуро Оэ — это прежде всего праздник для японской литературы. Но думаю, что каждый любитель изящной словесности, каждый, кому дороги интересы мировой культуры, должен испытывать удовлетворение. Хочется лишь на-

деяться, что писатель вновь «поймает луч света» и поклонники его таланта смогут познакомиться еще со многими произведениями, прежде чем он закончит свою «последнюю главу».

Мих. ЕФИМОВ.
ТОКИО — МОСКВА.

● Кэндзабуро Оэ с женой и сыном во время пресс-конференции после концерта «Музыка Хикари Оэ».

Фото из японского журнала «Сюкан Бунсюн».

Вместо послесловия

Кэндзабуро Оэ интересуют и вопросы внешней политики, положение в других странах мира. На днях он посетил южнокорейскую столицу, где в его честь была устроена пресс-конференция. Кэндзабуро Оэ выступил с заявлением. Вот что он, в частности, сказал: «В России в настоящее время осуществляются реформы, демократизация, и я от всего сердца желаю успеха этому процессу. Без претворения в жизнь реформ в России перспективы всего мира в XXI веке были бы мрачными. Поэтому реформы в России важны с точки зрения вступления человечества в следующее столетие».

Говоря о современной политике, писатель указал, что предлагаемый некоторыми кругами Японии пересмотр мирной конституции страны «противоречит основополагающим устремлениям японцев». Япония вела войну в Азии, в результате которой погибло много жителей Китая, Кореи, Филиппин и других стран, отметил Кэндзабуро Оэ. Но японский народ тоже пострадал в период второй мировой войны, в частности во время атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Новому поколению Японии, считает Кэндзабуро Оэ, нужно развивать связи с корейцами, филиппинцами и жителями других ази-

атских стран. Точно так же следует расширять отношения с населением США, европейских стран, России.

Коснувшись своего творчества, Кэндзабуро Оэ заметил, что хотел бы отразить в своих произведениях то, к чему стремится человечество. Он мечтал написать книги, которые читали бы поколения будущего века. «Я хочу писать для детей XXI века, — сказал писатель. — Мое главное желание, чтобы они поняли меня. Но у меня в запасе не так уж много времени».

Н. GERONIN.
СЕУЛ.
(ИТАР—ТАСС).